

Исторический детерминизм в теоретических построениях М. М. Хвостова

М. В. Новиков¹, Т. Б. Перфилова²

¹доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой теории и методики профессионального образования, Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского. Россия, г. Ярославль. ORCID: 0000-0002-2013-1919.

Researcher ID: AAD-2635-2019. E-mail: m.novikov@yspu.org

²доктор исторических наук, профессор, ведущий научный сотрудник, Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского. Россия, г. Ярославль. ORCID: 0000-0002-2498-8688. E-mail: m.novikov@yspu.org

Аннотация. В статье рассматривается проблема отношения М. М. Хвостова к историческому детерминизму, ядром которого являлось признание причинности в историческом процессе. Отмечается, что в изучении категории «причина» и способов казуального объяснения исторических фактов Хвостов руководствовался «Системой логики» Дж. С. Милля. Следуя «закону причинной связи» Милля, Хвостов искал в индивидуализирующей истории повторяющиеся факты или совпадения хотя бы «некоторых их сторон». Они выражали устойчивые связи в социальных явлениях и процессах, то есть служили эквивалентом понятия «закон», которого ученый стал избегать. Аналогом исторической закономерности для Хвостова явилось понятие «единообразия» в истории. «Единоеобразие» он представлял и как результат единой, не изменявшейся во времени психической природы людей, и как следствие цикличности исторических процессов. Оно было необходимо для установления неизбежной объективной взаимосвязи между совокупностью предшествующих фактов (причин, условий, сил) и вызывавшимися ими определенными последствиями. Подчеркивается, что Хвостова как сторонника объяснительной истории привлекало изучение не просто единственной предпосылки – повода события, а множества всех причин, или «факторов общественной эволюции», с предопределенностью закона при определенных условиях приводивших к ожидавшимся результатам. Обращается внимание на то, что большинство казуальных сил (факторов) имело внешний и долговременный характер, постигалось науками – сателлитами истории, то есть было предсказуемо. Только личностный и случайный «элементы» придавали историческому процессу сложный и запутанный характер. Однако гносеологический оптимизм позволял Хвостову верифицировать личностный фактор с помощью психологического приема – эмпатии. Результаты анализа случайного «элемента» определялись компетенцией историка: умениями анализировать «скрещивания» причинных рядов, разлагать события на составные части, сопоставлять их с аналогичными фактами всемирной истории. В трактовке Хвостова случай не являлся нарушением причинности. Каждое событие было заранее предопределено, что исключало «скачки» и «катастрофы», то есть действительно эпохальные события.

Ключевые слова: позитивизм, неокантианство, исторический детерминизм, казуальность в истории, «единоеобразие» в истории, причина (условие, сила), повод, случайность, личностный фактор в истории, эмпатии.

В 2022 г. исполняется 150 лет со дня рождения Михаила Михайловича Хвостова (1872–1920), известного российского историка, выпускника Московского университета, ученика П. Г. Виноградова, В. И. Герье, В. О. Ключевского, профессора Казанского университета. 100-летие его безвременной и трагической кончины было отмечено нашими публикациями [9; 10], данная статья является их продолжением, в ней предпринята попытка выявления отношения М. М. Хвостова к историческому детерминизму.

Диссемилируя неокантианские утверждения о неповторимости исторических фактов, невозможности обнаружения даже в схожих исторических процессах абсолютно тождественных повторений [21, с. 22, 30, 31], М. М. Хвостов не мог не понимать, что «единичные факты», «единичные

явления» очень сложно истолковать в плане поиска для их появления каузальных связей [21, с. 30]. Ему была хорошо известна логическая необходимость применения «закона причинной связи», открытая Дж. С. Миллем: «непременные и безусловные» причинно-следственные отношения, в свете рассуждений этого именитого мыслителя позитивистского толка¹, могли возникнуть только между «повторяющимися явлениями» [21, с. 29, 30].

Не рассчитывая обнаружить повторяющиеся исторические факты, М. М. Хвостов стал руководствоваться идеей о возможности нахождения в них совпадения или сходства хотя бы «некоторых сторон». Такой подход к трактовке «индивидуальности исторических событий» грозил релятивизацией выводов знаменитого английского теоретика, но профессор шел на этот подвох, руководствуясь важной для его сознания целью: констатация даже «какого-либо единообразия» [21, с. 31] в единичных случаях открывала, по его мнению, возможность осуществлять генерализирующие процедуры², исключительно важные в создававшейся им версии социологической истории. Однако эти обобщения отдельных сторон единичных событий не означали открытия универсальных законов общественного развития. Во втором десятилетии XX в. профессор уже точно знал, что закон безусловно устанавливал и предсказывал «связь [только. – М. Н., Т. П.] между явлениями природы, которая повторится всегда и везде, или при всяких обстоятельствах, или при одних и тех же обстоятельствах» [21, с. 40]. В истории, отличавшейся от естественных наук особой сложностью изучаемых «предметов», были возможны только «приблизительные обобщения, отнюдь не имеющие безусловной значимости» [21, с. 41].

Эти выводы, благодаря «Системе логики» Дж. С. Милля, были известны науке уже в последней четверти XIX в.³, но для самого М. М. Хвостова они являлись откровением⁴ и, будучи связанными с проблемой каузальности в истории, требовали от него проведения тщательной ревизии в философии и гносеологии позитивизма, а также поиска надежного теоретического обоснования изменившейся позиции в деле обнаружения причинно-следственных связей.

Для того чтобы гарантировать надежность и обстоятельность своим теоретическим выкладкам по поводу базовых понятий исторической науки: причина, следствие, случайность [13, с. 684] – М. М. Хвостов заручился поддержкой Дж. С. Милля.

¹ Дж. С. Милль, в частности, писал: «... Мы никогда не можем с достоверностью утверждать, что какая-нибудь причина, имеющая известное стремление в одном народе или в известном веке, будет иметь точно то же стремление в другом... Дедуктивная наука об обществе не дает теоремы, утверждающей всеобщим образом действие какой-либо причины...» [7, с. 449].

² Схожую мысль высказывал и Д. М. Петрушевский: «Расчлняя процесс культурного развития человечества на ряд отдельных и автономных процессов, современная историческая наука признает эти процессы в основном сходными, аналогичными... Интересуясь индивидуальными формами... историк... под пестрым узором индивидуального старается вскрыть те общие линии развития, которые лежат в основе индивидуальной эволюции каждого человеческого общества» [11, с. 42, 43].

Однако, в отличие от М. М. Хвостова, Д. М. Петрушевский намеревался использовать полученную при сравнительном изучении индивидуальных эволюционных процессов информацию для открытия исторических законов [11, с. 43].

³ Видимо, М. М. Хвостову были важны следующие рассуждения Дж. С. Милля: «... Собирать... эмпирические законы (которые всегда суть не более как приблизительные обобщения) из прямого наблюдения составляет важную часть приемов социологической науки. Опытный прием должно рассматривать... как средство... для получения необходимых данных для дедуктивной науки...»

То же самое справедливо относительно всех обобщений, какие могут быть основаны на истории. Такие обобщения не только существуют... – общая наука об обществе... может действовать не иначе как делая такие обобщения, а потом подтверждая их связью с психологическими и этологическими законами, от которых они в действительности должны зависеть...

Превратное понимание [главных фактов истории для открытия закона прогресса. – М. Н., Т. П.] состоит в предположении, что порядок последовательности... между различными состояниями общества и цивилизации, представленными историей... может быть сведен на какой-либо закон природы. Это может быть только эмпирический закон. Последовательность состояний человеческой души и человеческого общества не может иметь собственного независимого закона; она должна зависеть от психологических и этологических законов, управляющих действием обстоятельств на человека и человека на обстоятельства... Эмпирические законы общества бывают двух родов: одни суть единообразия сосуществования, другие – единообразия последовательности...» [8, с. 459, 460, 466, 469].

⁴ В своих более ранних работах М. М. Хвостов использовал понятие «историческая закономерность» [17, с. 281]. В статье «К вопросу о задачах истории» М. М. Хвостов, как и другие сторонники неокантианской идеи научной специфики истории, уже отрицал возможность открытия законов развития общества и, подобно Дж. С. Миллю и Г. Зиммелю, называл обнаруженные связи между явлениями «общими положениями», не обладающими «безусловной всеобщезначительностью» [20, с. 816].

Судя по «Лекциям по методологии...», более авторитетного ученого, чем этот английский социолог, в изучении исторической причинности для него не существовало, поэтому ссылки на «Систему логики» (которую профессор называет просто «Логикой») как фундамент социологической трактовки логических приемов проведения причинно-следственного анализа сопровождают объяснение М. М. Хвостовым и дефиниции категории «причина», и способа осуществления «причинного толкования» единичных явлений.

Для М. М. Хвостова было важно то, что Дж. С. Милль рассматривал «принцип причинности» частным случаем «более общего принципа единообразия природы», признавал его «главной основой индуктивной науки» и «неизменный» порядок последовательности любого факта в природе, «независимо от всех соображений относительно конечного происхождения явлений и от всякого другого вопроса о природе “вещей в себе”», называл «законом причинной связи» [21, с. 29. Курсив автора].

История как разновидность «индуктивной науки», связанная с обработкой «эмпирического материала», также по логике вещей должна была подчиняться «закону связи причины со следствием» [21, с. 29], ибо «всеобщность» этого закона заключалась в том, что «всякий последующий факт связан с каким-либо частным предшествующим фактом или с рядом предшествующих фактов. Каков бы ни был факт, если он начал существовать, то был предшествуем каким-либо фактом, или какими-либо фактами, с которыми он неизменно связан» [7, с. 358]. Следовательно, причина – это «неизменно предшествующий факт» [7, с. 358], за которым «данное явление непременно и безусловно следует» [21, с. 29. Курсив автора]⁵.

Примеры, которые вслед за Дж. С. Миллем приводил М. М. Хвостов (о неизбежности падения на дно водоема брошенного в воду камня, о смерти человека во время трапезы [7, с. 359–361]), к историческому процессу не имели никакого отношения. Видимо, профессору важно было только объяснить, что причинность означала последовательность возникновения цепи событий, где нечто, более раннее по хронологии, то есть предыдущее, «непременно и безусловно» породит какое-либо следствие. Таким образом, полагал он, отражая объективную и неизменную связь между фактами и явлениями⁶, причинность упорядочивает хаос, необъяснимый на первый взгляд набор случайностей, выступает в роли способа структурирования действительности. Хотя обыденное сознание могло воспринимать причинность «инстинктом», естественной «наклонностью человеческого ума обобщать выводы из опыта» [7, с. 356], анализ природы возникновения причинно-следственных отношений свидетельствовал об обратном. Каузальность всегда сопровождалась строго упорядоченной мыслительной деятельностью: анализом, отбором, систематизацией, сравнением фактов. «Причинное истолкование» всегда нуждалось в фиксации «повторяющихся явлений», в «констатировании какого-либо единообразия» [21, с. 31], заявлял М. М. Хвостов. В противном случае, «закон причинной связи», претендующий на всеобщность, просто нельзя было бы сформулировать.

Кроме того, зная о том, что не одна, а сразу несколько причин инициировали то или иное явление, исследователь должен был сконцентрировать свои усилия на поиске всех «условий данного явления», резюмировал профессор [21, с. 30].

⁵ К. Поппер, комментируя рассуждения Дж. С. Милля о «законе причинности», обращал внимание на то, что английский ученый подводил под универсальность этого закона только «причинное объяснение регулярности», которое не могло распространяться на единичные события. При объяснении появления единичных событий, по мнению К. Поппера, Дж. С. Милль путал причину, или закон неизбежности факта, и специфические начальные условия, которые могли дедуцироваться из утверждений.

Кроме того, Дж. С. Милль мог подменять понятия «закон» и «тенденция», что приводило к путанице в его выводах. Он признавал возможность открытия универсальных законов последовательности, аналогичных законам математической последовательности, и одновременно сомневался в том, что порядок последовательности может быть строго единообразным [12, с. 134–136, 140, 143–146].

М. М. Хвостов не замечал диссонанса в этих рассуждениях Дж. С. Милля – в противном случае, он не стал бы возводить закон причинной связи английского мыслителя в канон своих причинных интерпретаций исторических фактов.

⁶ Из определения Дж. С. Милля этот вывод не следует. «Принимая закон всеобщей причинной связи, – комментирует принцип причинности английского ученого А. С. Богомолов, – Милль тем не менее говорит об этом законе как о выражении “неизменного порядка последовательности” явлений, но не их объективных связей» [3, с. 85].

От себя заметим, что М. М. Хвостов часто использовал цитаты из работ своих идейных наставников, не подвергая анализу или комментариям произведенные заимствования. Они украшали его сочинения, но подчас служили ему недобрую службу, так как вступали в противоречия с рассуждениями профессора.

«Причины всегда множественны, – настаивал М. М. Хвостов, ссылаясь на Дж. С. Милля. – Совокупность причин в обычном языке называют “условиями”⁷. Все условия одинаково необходимы для возникновения последующего, и наше понятие о его причинах будет неполно, пока мы в той или другой форме не перечислим их все» [21, с. 30. Курсив автора].

Он предостерегал от возможной ошибки «связывать идею причинности... с ближайшим событием», то есть, говоря современным языком, путать объективные предпосылки с поводом⁸. Вновь с подачи английского мыслителя⁹ он склонен был называть ближайшее событие только последней искрой, требовавшейся для возгорания пламени, заключительным толчком, приводившим в движение потенциально готовое к изменению явление.

«Говоря философски, – сообщал профессор, – причина есть полная сумма *положительных и отрицательных* условий явления, взятых вместе»; это «предшествующие состояния, или длительные факты», которые также можно назвать «предупреждающими причинами». Только вся их «наличность», вместе с «совокупностью случайностей» повлечет за собой следствие [21, с. 30. Курсив автора]. Очевидно, речь шла о предпосылках и поводах, которые в своей целостности придавали готовому к своему проявлению действию характер неизбежности, предопределенности, то есть детерминировали его появление.

При объяснении коллизий исторического процесса М. М. Хвостов всегда руководствовался выводом Дж. С. Милля о том, что «причина есть сумма всех условий, положительных и отрицательных, взятых вместе» [7, с. 364], и, хотя это заключение относилось к природным явлениям, подчинявшимся законам механики, не пытался углубить мнение английского мыслителя своими рассуждениями о структуре и иерархии причин или степени применимости этого вывода к общественным отношениям. В то же время, когда профессор приступал к осмыслению движущих сил развития древних обществ, он четко знал, в каком порядке следует располагать «сумму условий», и свои аналитические операции всегда начинал с характеристики «экономического фактора» («деятельности индивидов», направленной на удовлетворение потребностей и «организацию производства»). Не считая этот фактор «единственно основным», М. М. Хвостов, в отличие от марксистов (представителей «экономического или исторического материализма»), признавал хозяйственную деятельность людей и связанную с ней «организацию производственных отношений» «одним из *наиболее основных* факторов общественной эволюции» [21, с. 62, 67, 68. Курсив автора]. Это подтверждается многочисленными примерами¹⁰.

⁷ Сведение причин к условиям, или «зависимостям», было характерно для «новейшей критической философии», – сообщал Р. Ю. Виппер в «Очерках теории исторического познания» (М., 1911. С. 169–173) и, дистанцируясь от таких ученых, стал производить замену категорий «причинность» и «закон» на лишённые печати телеологичности – «оттенка творчества, духовности, производящей силы» – термины: «условие», «воздействие», «влияние», «толчок» [14, с. 164–166].

Современная наука лишена категоричности Р. Ю. Виппера. Так, в «Теории и методологии исторической науки» читаем: причинность – это «совокупность условий – предпосылок и поводов, которые в единстве создают новую историческую реальность» [15, с. 413].

⁸ «Есть склонность, – писал Дж. С. Милль, – связывать идею о причине с ближайшим предшествовавшим событием скорее, чем с которым-либо из предшествовавших состояний, или постоянных фактов, которые также могут быть условиями явления. Это происходит оттого, что событие не только существует, но и начинает существовать непосредственно перед явлением, тогда как другие условия могли существовать до явления в течение неопределенного времени. И эта склонность весьма ясно обнаруживается в различных логических фикциях (домыслах), к которым прибегают даже люди науки для избежания необходимости назвать причиной что-либо, существовавшее в течение неопределенного времени до следствия» [7, с. 362. Курсив автора].

⁹ «...Весьма обычно, – рассуждал ученый, – выбирать для названия причиной лишь один из предшествующих фактов, другие же называть только условиями... Настоящую причину составляет совокупность этих предшествующих фактов... состояния, обладающие большим или меньшим постоянством. Они могли предшествовать следствию в течение неопределенного времени за недостатком события, которое требовалось для восполнения необходимой совокупности условий. А как скоро наступило это событие... не ожидается уже никакая другая причина, и тотчас же начинает наступать следствие. Оттого между следствием и одним из предшествующих фактов, по-видимому, существует более непосредственная и тесная связь, чем между следствием и остальными условиями» [7, с. 359].

¹⁰ Характеризуя типологические особенности древневосточных обществ, автор выявляет «сходства» в их развитии, начиная с состояния экономической сферы. Затем он анализирует социальное и государственное устройство, развитие права и духовной жизни.

«Система логики» Дж. С. Милля – образец умозрительного знания – была оторвана от исторической конкретики, и, хотя мыслитель посвятил специальную главу своего труда [8, с. 483–496] обоснованию применимости «закона неизменной причинности... в истории» [7, с. 484], его доводы не отличались оригинальностью и нуждались в подтверждении авторитетных историков, специально занимавшихся теоретическими проблемами исторического познания. Этим и объясняется интерес М. М. Хвостова к «Теории истории» известного румынского историка А. Д. Ксенополя [20, с. 795]. В отличие от Дж. С. Милля, мало заботившегося о применимости своих рассуждений к специфике исторических исследований [6, с. 95], А. Д. Ксенополь отчетливо проводил грань между сугубо теоретическими и конкретно историческими изысканиями, поэтому ему понятны были смысловые различия категорий «закон» и «причина» [20, с. 798], отождествлявшиеся в умозаключениях знаменитого логика.

Если в теоретических науках, изучающих повторяющиеся явления, «причинность проявляется в форме закона, то есть постоянного соотношения между явлениями», считал А. Д. Ксенополь, то в исторических науках, имеющих дело с неповторяющимися последовательными явлениями, законосообразности быть не может. «Здесь причинность проявляется в виде “рядов”... последовательных, несходных явлений, связанных между собой причинной связью», а поскольку «в фактах последовательных самым существенным элементом и является их различие от других фактов», то и применять слово «закон» для констатации появления новообразования в истории неуместно [20, с. 799], комментировал профессор румынского коллегю.

М. М. Хвостов особо обращал внимание на то, что для А. Д. Ксенополя понятия «закон» и «причинность» несли разную семантическую нагрузку. «Закон» означал «лишь порядок возникновения явлений» и только в редчайших случаях (как, к примеру, закон тяготения И. Ньютона) объяснял причину явлений. Что касается «причины», то она, по мысли румынского историка, должна была «всегда указывать на силу и на условия, в которых проявляется действие силы» [20, с. 799, прим. 1].

Второе отличие причины от закона заключалось в том, что причина, по убеждению А. Д. Ксенополя, приводила «к возникновению новых фактов»: «Каждый простой или сложный исторический факт есть результат действия одной силы или комбинации нескольких сил в известных условиях», – передавал М. М. Хвостов рассуждения европейского историка [20, с. 822]. Хотя, по мнению профессора, «понятие силы» А. Д. Ксенополя страдало неопределенностью [20, с. 822, прим. 4], из «Теории истории» все же было ясно, что речь шла об «эволюционных силах», или о «факторах общественной эволюции». Они не просто исподволь формировали любое «новообразование» исторического процесса, но и обеспечивали при «известных условиях» соединение «исторических фактов в ряды» причинно-следственных взаимозависимостей [20, с. 822].

М. М. Хвостов пояснял, что А. Д. Ксенополь видел главные задачи историка именно в выявлении и объяснении «рядов событий», соответствовавших принципу каузальности. Решение этих задач наталкивалось на еще более внушительные препятствия при осмыслении «сложных исторических фактов», состоявших из множества логически не связанных «рядов», которые «включают в себя другие – подчиненные первым, а эти, в свою очередь, включают в себя новые ряды и т. д.» [20, с. 821].

Важность понятия «причинность» для исторических рефлексий осознавал и Г. Риккёрт, хотя к абстрактным понятиям в исторической науке он, как мы знаем, относился с известным предубеждением. В данном случае его позиция по этой проблеме теории познания была близка точке зрения А. Д. Ксенополя. Он так же различал «закон» и «причину» [20, с. 799, прим. 1] и так же видел задачу историка «в сфере объяснения причинной связи» в установлении отношений «между отдельными фактами или группами отдельных различных по существу фактов». Противопоставляя индивидуализирующую историю всем точным и теоретическим дисциплинам, Г. Риккёрт, как и А. Д. Ксенополь, элиминировал «попытки объяснения общих причинных отношений в истории, подобных закону природы» [20, с. 816]. Однако его намерение обесценивать все известные историкам способы генерализации эмпирического материала и, прежде всего, образованные на «естественнонаучный манер... общие понятия»,

Поставив вопрос: «Каковы особенности эволюции восточных обществ?» – М. М. Хвостов отвечает на него следующим образом: «Остановимся прежде всего на э т а п а х э к о н о м и ч е с к о г о р а з в и т и я» [19, с. 8. Разрядка автора].

и, кроме того, желание игнорировать «общие суждения», необходимые историкам для истолкования причинной зависимости фактов [20, с. 817–818], заставляли М. М. Хвостова относиться к высказываниям философа с большей настороженностью, чем к аналогичным по смыслу умозаключениям А. Д. Ксенополя, и в полемике по теоретическим аспектам истории доказывать противоположность ряда своих представлений заявлениям идеолога неокантианства.

Отталкиваясь от рассуждений своих именитых предшественников, М. М. Хвостов получал возможность взвешенно и обстоятельно осмыслить свои подходы к идее каузальности и роли каузальных связей в историческом процессе [21, с. 23].

В духе Дж. С. Милля он уверенно рассуждает о «принудительно требуемой нашим мышлением» потребности к установлению «строгой причинной связи всего существующего» [21, с. 23] и справедливо объясняет этот запрос умов историков стремлением подняться над «простым усвоением действительности» с тем, чтобы по-своему ее истолковать [20, с. 815].

Подобное желание, со слов казанского профессора, обуревало сознание многих поколений исследователей прошлого, кто, подобно Фукидиду, Полибию, Тациту, не мог «удовлетвориться описательной, или “реферирующей”, историей» и стремился постичь историю через «анализ причинной связи» или, иначе, прагматически [20, с. 815, прим. 5].

В последние десятилетия XIX в. прагматическая история, «ставящая отдельные индивидуальные факты во взаимную связь причины и следствия», заняла лидирующие позиции в историографии [20, с. 815, прим. 5. Курсив автора], что, по мнению М. М. Хвостова, и сделало возможным обсуждение теоретических подходов к истолкованию понятия «причинность» [20, с. 794]. В настоятельную необходимость осмысления каузальности превратилось по мере укрепления позиций социологической истории, которая поставила своей целью «объяснять отдельные факты в жизни общества не только из отдельных предшествующих фактов, но и из общих социологических положений», – заявлял он [18, с. 21].

Трудно было переоценить значение логической процедуры причинно-следственного анализа и с институционализацией «эволюционной, или “генетической” истории», считал М. М. Хвостов, ссылаясь на Э. Бернгейма [20, с. 815, прим. 5], и был в этом убеждении абсолютно прав. С утверждением в методологии познания историко-генетического метода категория «каузальность» превратилась в центральный элемент реконструкции исторического процесса [13, с. 685, 696; 15, с. 412].

Осознавая значимость «причинного анализа» при «истолковании фактов» [20, с. 791], ученый считал необходимым включать разбор «каузальных связей» в контекст осмысления проблемы эволюции древних обществ [20, с. 822, 823] и, кроме того, использовать сложные и многомерные явления «причинности» при изложении своих представлений о закономерностях и случайностях в истории.

Под исторической эволюцией он был склонен понимать «процесс, получающийся в результате действия нескольких или многих сил» [20, с. 823. Курсив автора].

Используя, как и А. Д. Ксенополь, термин «сила», имплицитно связанный с позитивизмом Г. Спенсера¹¹, а также отождествляя «силы» с «основными факторами исторической эволюции» [20, с. 822], М. М. Хвостов смог все же пойти дальше румынского ученого в логическом анализе природы причинно-следственных отношений [20, с. 814]. Императив: «избегать смешения понятий, обозначающих факторы (или силы), с понятиями, обозначающими результа-

¹¹ Для краткого выражения еще не познанной, но необходимо признаваемой причинной связи Г. Спенсер, действительно, использовал понятие «сила», не обращая внимания на то, что к тому времени, когда он писал свои труды, в тезаурус естествознания уже прочно вошел термин «энергия». Представление о «силе» Г. Спенсер заимствовал из механики – единственной науки, успешно пользовавшейся этим понятием в целях количественного измерения действия, которое, в свою очередь, являлось следствием изменения скорости движения. Применение этого понятия вне области механики, а тем более в качестве универсальной философской категории, уже превращалось в анахронизм [3, с. 83, 87, 88].

Н. Ф. Уткина обращает внимание на то, что понятие силы, хотя и характеризовало естественные процессы, «сохраняло оттенок антропоморфных и даже трансцендентных представлений». Подчеркивая связь революции в естествознании с корректировкой научной картины мира, исследовательница утверждает, что «широкая трактовка причинности» при объяснении «сложных процессов исторической и общественной жизни» стала возможной только с заменой в физике «силы» на «движение скрытых масс». Это позволило обосновать концепцию континуума, или скрытой среды, являвшейся взаимодействием взаимосвязанных и взаимозависимых материальных систем. Для естествознания такая трактовка невидимой энергии среды обитания людей могла иметь принципиальное значение [16, с. 265–271].

ты этих сил» [20, с. 822], – говорит о том, что казанский профессор мог отграничивать причины («общие факторы»), вызывавшие «новые изменения и новые образования» [20, с. 791, 823], от реализованного в историческом опыте последствия, которое само при этом превращалось в «новый фактор дальнейшей эволюции» общества [20, с. 823].

Исследователь перечисляет «силы», связанные с манифестацией «законов природы», сопровождая их номинации следующим пояснением: «В столь сложных явлениях, какими представляются исторические, действие законов природы проявляется в комбинациях, в высшей степени запутанных». К числу каузальных «сил» он относит следующие «общие факторы», вне сомнения, имевшие объективный и внешний характер и к тому же обладавшие долговременными проявлениями: «силы физические и химические, биологические и психологические» [20, с. 820].

Он обращает внимание на перепутанность объективных «сил» взаимными влияниями, особенно когда речь идет об их совокупном воздействии на «отдельные личности», чья неординарность и амбициозность могут неожиданно превратиться в «действенный», по терминологии Э. Мейера [20, с. 810], фактор. Этот фактор, правда, уже не объективный, тоже был способен оказывать влияние на исторический процесс: ускорять его или придавать ему «несколько иное направление» [21, с. 28]. Да и тот факт, что неоднородное по составу общество состоит «из индивидов», отличающихся друг от друга «самостоятельностью и разнообразием», добавляет еще один «элемент “случайности” в непрерывную последовательность эволюционного ряда» [21, с. 25–26].

М. М. Хвостову были знакомы и другие «случайные факты», появившиеся в результате непредсказуемого «скрещения причинных рядов» [20, с. 820]. Вмешиваясь в процесс эволюции, они могли нарушить его естественность, плавность и постепенность [21, с. 26], превратить в «колеблющееся, неравномерное» движение. Но он выражал уверенность в том, что эти сбои в эволюционном ритме не могут разорвать саму «цепь» развития, а значит, и оказать на исторический процесс решающее воздействие [21, с. 29].

Изучая феномен «случайности», как и «мало поддающийся анализу элемент личный» в истории [20, с. 820], М. М. Хвостов стремился убедить нас в том, что «случай не есть нарушение причинности: то, что мы называем “случаем”, есть результат перекрещивания двух или нескольких причинных рядов» [21, с. 23]. Эту фразу можно истолковать в ключе признания ученым причинной обусловленности даже случайных событий.

Приведенный в «Лекциях по методологии...» пример подтверждает приверженность профессора логике детерминистского подхода. «Нашествие варваров на Западную Римскую империю может казаться случаем, – излагал М. М. Хвостов свою позицию, – однако это событие в сущности не случайно, ибо было подготовлено и вызвано несколькими рядами причин: разложением империи, движением варваров; но момент встречи, сцепления этих нескольких различных причинных рядов есть случайность» [21, с. 23].

М. М. Хвостов делился своим наблюдением об увеличении количества «различных причинных цепей» по мере усложнения содержания «группы событий» или явлений, хотя примеров «сложных процессов» и критериев их идентификации не предлагал [21, с. 24–25].

Таким образом, кажущаяся внезапность даже самых крупных событий, по его мнению, была предопределена латентными процессами – длительными, «бесконечно сложными и многообразными явлениями человеческой общественности», и даже в тех случаях, когда «отдельные моменты», «отдельные события» порождали другие события [21, с. 29], они представляли для него интерес не сами по себе, а как составные части исторического явления, которые в качестве «новообразования» превратятся в «новый фактор дальнейшей эволюции» [20, с. 823].

Случайность в такой интерпретации оборачивалась проявлением определенной закономерности и оттеснялась на периферию его исследовательских интенций.

Видимо, при ретроспективном анализе прошлого, когда историку были хорошо известны последствия любого события, все произошедшее выглядело как исторически неизбежное, предопределенное, а значит, и случайности просто не могло быть: ей приписывалась роль закономерного.

Эволюционный подход к осмыслению исторического процесса также имманентно предполагал построение любого развивающегося явления в виде бесконечной цепи причин и следствий [13, с. 685, 691]. Следовательно, выбранная М. М. Хвостовым методологическая парадигма уже предопределяла его отношение к случайности как к проявлению закономерного.

сти, а это, в свою очередь, и нивелировало роль непредвидимого результата в «сложном процессе» развития общества [21, с. 24].

Сохраняя верность закону причинной связи Дж. С. Милля и совмещая его с заимствованным из естествознания детерминистским подходом к анализу процесса общественного развития, М. М. Хвостов исключил из поля своего зрения «скачки», «перерывы в последовательной эволюции», за которыми могли скрываться великие и тем более эпохальные события. Именно поэтому в его трудах они не получили научного обоснования¹², хотя в контексте событийной истории упоминались. Указания на «катастрофичность» процесса исторической эволюции тоже только декларировались [21, с. 24, 27], внося разлад в теоретические построения ученого.

Вместе с тем ему удалось выразить мысль о сложной, непрозрачной, запутанной детерминации в истории и сформулировать вывод о множественности причин, или, выражаясь современным языком, мультикаузальности всех событий и явлений: «индивидуальность исторических событий есть результат того, что каждое из таковых возникает благодаря скрещиванию *многих* причинных рядов, в каждом отдельном случае неодинаковых» [21, с. 31]. Мультикаузальность имплицировала идеи неокантианцев об индивидуальности и неповторимости истории и, таким образом, бросала тень на стремление обосновать любые исторические аналогии и тем более закономерности. Однако М. М. Хвостов нашел лазейку для доказательства обратного. Прибегая к положению о «приблизительных обобщениях, не имеющих безусловной значимости» [21, с. 41], он сумел связать категорию причинности с предопределенностью последствий, релевантных вызвавшим их условиям. В данном случае детерминистский подход к объяснению исторической причинности он экстраполировал на авторскую трактовку исторической закономерности. «Общие причинные соотношения в истории», считал М. М. Хвостов, не представляли собой повторения безусловных, то есть «настоящих общеобязательных законов природы». Историк может стремиться только к установлению «переходных форм причинного истолкования фактов, менее общих, чем законы природы, но в то же время более общих, чем причинная связь между единичными фактами» [20, с. 816].

Компромиссный характер этого заключения не вызывает сомнений. С одной стороны, оно было данью социологии, стремившейся обосновать законы развития общества, с другой – реверансом в сторону идиографической истории, изучающей индивидуальные неповторимые исторические феномены, «каузальные законы» взаимодействия которых (или элементов которых) отличались от законов, действовавших в неодушевленной природе: этому препятствовали «личный и случайный элементы» [20, с. 820]. Их влияние следовало учитывать, причем в обязательном порядке, при осуществлении детального, скрупулезного анализа причинно-следственных отношений. «Здесь [в ходе исследования исторической каузальности. – М. Н., Т. П.] работа историка сводится к разложению исторического события на элементы¹³, то есть на причинные ряды, из которых оно сложилось» [21, с. 31], с тем чтобы «указать связь *отдельных* фактов с предшествующими» [20, с. 821. Курсив автора].

Одним из самых ярких примеров «разложения события на... причинные ряды» может служить анализ М. М. Хвостовым причин и поводов Пелопоннесской войны (431–404 гг. до н. э.). Война являлась главным событием «международных отношений Афин и других греческих государств после победы над персами и образования Афинского союза» [18, с. 25], поэтому он очень обстоятельно проанализировал совокупность условий, с неотвратимостью рока предопределивших неизбежность самого губительного для мира греческих полисов военного конфликта.

При отражении связей между событиями М. М. Хвостов прибегал к работам своих предшественников как к историографическим образцам. Однако не подлежит сомнению тот факт,

¹² В авторской периодизации истории Древней Греции, к примеру, «история событий» не фигурирует в контексте «истории состояний», которая определяет движение вперед обитателей полисов Эллады. Исторические события словно скрыты под толщей анонимных надындивидуальных процессов развития хозяйственного быта, социально-политических изменений, преобразований в религии, науке, художественном творчестве древних [18, с. 35–37].

¹³ Упомянутое в цитате слово «элементы», как правило, имеет естественнонаучную коннотацию. По закоренелой мыслительной привычке, М. М. Хвостов использовал слово «элементы» в значении «составные части», «сумма» дискретных единиц какой-то системы, например: «элементарные единицы», «наподобие атомов и «клеточек»; «элементарные силы» как факторы общественной эволюции; «отдельные моменты» события [20, с. 816, 819, 820; 21, с. 18, 36].

что он сам тщательнейшим образом прорабатывал сочинения античных историков-«прагматиков», содержавшие «причинные объяснения исторических событий» [18, с. 21]. К числу таких древних авторов принадлежал Фукидид – «главный источник для данной эпохи», предвосхищавший «некоторые приемы новейшей историографии» [18, с. 197, 200], в том числе связанные с реконструкцией исторической причинности. «Что касается *истолкования событий*, – разъяснял М. М. Хвостов свои восхищенные отзывы о труде Фукидида «История Пелопоннесской войны», – то здесь он стоит на строго исторической точке зрения. Везде он ищет причинности, отделяет причины общие от частных, отличает причины от ближайших поводов. Он ищет причины данного явления в предшествующих событиях и таким путем иногда доходит почти до социологического анализа. Однако в общем он не идет так далеко, ограничиваясь указанием ближайших причин события. Веры в чудесное у него нет – здесь он стоит на *строго рационалистической точке зрения*. Он не допускает возможности вмешательства какой-либо сверхъестественной силы в ход исторических событий...» [18, с. 200. Курсив автора].

Таким образом, руководствуясь надежными образцами изучения исторической причинности, М. М. Хвостову не сложно было осуществить аналогичные логические операции для выявления предпосылок и поводов как Пелопоннесской войны, так и других важных для народов древности событий.

Осуществив аналитический этап работы с историческими свидетельствами, М. М. Хвостов приступал к систематизации предварительно упорядоченных материалов: «группированию сходных моментов» в соответствии с характером предполагавшихся действующих «сил» [21, с. 35]. Для правильной классификации и рубрикации исторических предпосылок необходимо было «разложенное на составные элементы» событие соотнести с «общими факторами общественной эволюции, то есть с теми силами, которые эту эволюцию производят» [20, с. 819]. Установление подобной связи для «каждого единичного события» М. М. Хвостов считал «идеалом», достижению которого должны были посвятить себя и историография будущего, и обществоведение [20, с. 819].

Сложность аналитических процедур с последующими классификационно-обобщающими операциями он объяснял наличием необъяснимого «"иррационального" остатка, неразложимого при анализе на элементы, являющиеся результатом действия основных факторов общественной эволюции» [20, с. 819]. Необъяснимыми без применения соответствующих методик изучения индивидуальной психологии считались как «очень прихотливое сцепление элементарных сил в отдельных *личностях*», так и не изученное «теоретическими науками об обществе», в том числе «динамической социологией», скрещивание причинных рядов при возникновении исторической случайности [20, с. 819, прим. 2. Курсив автора].

Исходя из реальных возможностей теоретических и эмпирических наук об обществе времени его жизни, М. М. Хвостов сформулировал правило, которое рекомендовал использовать историкам: «искать единообразия» между изучаемыми событиями и явлениями в истории разных народов. Это правило было рецепцией сформулированного Дж. С. Миллем «принципа единообразия природы» [21, с. 29, 31] и при постулировании индивидуализирующего характера истории казалось единственно возможным способом спасения историографии от превращения ее в беспредметное и бессвязное перечисление фактов.

«Принцип причинности» также позволял придать истории характер подлинной науки, так как гарантировал востребованность базовых исторических понятий, исследовательских процедур, способствовал систематизации проверенной на достоверность информации. Дополненный «принципом единообразия»: «сходством... некоторых сторон... составных частей» исторических событий, – он вселял надежду на познание давно минувшего прошлого на основании слепой, как правило, веры в их структурно-типологическую общность или совпадение, на деле мнимое, «с подобными же фактами, наблюдавшимися в другое время и в других местах» [21, с. 31–33].

Итак, М. М. Хвостов допускал использование в исследовательской лаборатории историка анахронизмов. Подобная гносеологическая беспечность зиждилась на его уверенности в «единообразии общечеловеческой психики»¹⁴, а это «широкое единообразие», в свою очередь,

¹⁴ Представление о «единообразии человеческой психики» было распространено в немецком общественном знании. К примеру, Э. Бернгейм утверждал, что «процессы чувствования, мышления и воли протекают у всех людей, в силу общности их организации, одинаково, по законам психической причинности. Поэтому мы можем понять все внешние проявления человеческой духовной жизни всех времен и всех стран... Законы и процессы мышления повсюду одинаковы» [1, с. 63, 64].

придавало «психический характер историческому материалу» [20, с. 816], облегчая его трактовку специалистами и делая его «истолкование понятным для читателя» [20, с. 817].

Исходившая от идеологов позитивизма¹⁵ убежденность М. М. Хвостова в существовании универсально-общего психического «единообразия» человечества и стала для него способом легитимизации логического анализа причинно-следственных связей на практике, так как «обязательная для историка предпосылка... о существовании общего в человеческой психике» [20, с. 816. Курсив автора] открывала дверь в некогда недоступное его пониманию прошлое.

Действительно, если «группы сходных моментов в общечеловеческих душевных переживаниях» превратить в алгоритм исследовательской деятельности, рассуждал он, то и причинное истолкование событий окажется верифицированной эвристической процедурой, которая сможет «удовлетворить потребности нашего ума в отыскании причинной связи и закономерности» [21, с. 36]. Во всяком случае, заверяет нас М. М. Хвостов, причины войн и восстаний, имевших место сотни и даже тысячи лет назад, были понятны не только «историкам-прагматикам древнего времени», но и ясны современным ученым исключительно потому, что «они основаны на общечеловеческой психике», «психологической мотивировке действий исторических лиц» и «вызывают понятные нам (общечеловеческие) душевные переживания» [20, с. 816; 21, с. 33–36].

К примеру, каждый из нас, оценивая свое поведение или наблюдая за реакциями окружающих людей, «знает о чувствах», которые должен испытывать «привыкший к власти при виде оспаривающей у него эту власть толпы», «каждый понимает сущность экономических интересов и торговой конкуренции», каждый испытывал страх перед «усилением противника» – пояснял ученый те ощущения своих коллег по ученому цеху, которым удавалось достоверно, по его мнению, восстановить каузальные связи между индивидуальными фактами, опираясь в том числе и на индивидуальные психические проявления. Читатель исторических трудов, в свою очередь, верит этим объяснениям, потому что они «создают в нас чувство удовлетворенности причинным истолкованием исторических фактов, удовлетворяют потребности нашего ума в отыскании причинной связи...» [21, с. 36].

Из этих утверждений следует, что М. М. Хвостов, отталкиваясь от позитивистских теоретических установок и продиктованному позитивистской гносеологией отношению к факту как к «констатируемой эмпирически» объективной данности [21, с. 36], строит свои умозаключения на чуждой позитивистскому учению психологической платформе эмпатии. В этом можно заметить влияние видных европейских ученых – сторонников психологической интерпретации исторического процесса, например Г. Зиммеля. Не стоит исключать и рецепций идей таких известных российских историков, как Р. Ю. Виппер. Во всяком случае, имеющаяся в «Лекциях по методологии...» ссылка на нашумевшее исследование московского профессора¹⁶, также интерпретировавшего взаимоотношения фактов при помощи причинных рядов и подменявшего причины условиями [14, с. 187–189], позволяет усматривать в методологических «ножницах» М. М. Хвостова влияние главного сторонника эмпириокритицизма в России, которое, правда, было избирательным и не свелось к редуцированию онтологии факта и отношению к нему как к измышлению сознания историка, вопреки пропагандистской активности Р. Ю. Виппера в этих направлениях.

Эмпатия, или сопереживание, – способность понимать переживания, чувства и эмоции других людей [4, с. 1220] – важный для М. М. Хвостова посыл к адекватному познанию «седой древности» – вступала в не замечавшееся им противоречие с «сознательным эмпиризмом» –

Г. Зиммель исследовал проблему «психологического тождества между познающим и познаваемым» для того, чтобы объяснить «возможность познания» истории и исторической причинности. «Всякое изображение, всякое понимание психологического объекта означает, – считал он, – что понимающий испытывает то же душевное движение, в изучение которого он погружается...» [5, с. 21, 24].

Между тем, оба исследователя осознавали сложности процесса «проникновения в идеи и чувства» других людей, особенно отдаленных исторических эпох, и возлагали на социальную психологию свои надежды в совершенствовании исторического познания [1, с. 12–16, 64–70; 5, с. 17–27].

¹⁵ К примеру, Дж. С. Милль полагал, что психические явления подчиняются неизменным законам: «Все явления общества суть явления человеческой природы, порождаемые действием внешних обстоятельств на массы людей. Следовательно, если явления человеческого мышления, чувствования и действия подчинены неизменным законам, то и явления общества не могут не быть подчинены неизменным законам, вытекающим из предыдущих» [8, с. 425].

¹⁶ Речь идет об «Очерках теории исторического познания» Р. Ю. Виппера.

«привычкой к анализу конкретного исторического материала» [20, с. 794, 795], которая была сформирована у каждого историка, разделявшего позитивистскую методологию познания.

Прием «понимания» наслаивался на почву строго научного метода изучения исторических фактов, но оставался всего-навсего его модной декорацией, поскольку никак не соотнобразывался с факторным подходом к осмыслению исторического процесса, которому М. М. Хвостов уделял самое пристальное внимание. Изучение общих факторов исторического развития, то есть «выявление глубинных причинно-следственных связей явлений и процессов» [2, с. 325], проливает дополнительный свет на особенности эволюционистских воззрений ученого и его представления об историческом процессе, а потому заслуживает быть предметом специального рассмотрения.

Список литературы

1. Бернгейм, проф. Введение в историческую науку / пер. с нем. под ред. С. Е. Сабинина. М. : Изд. М. Н. Прокоповича, 1908. 185 с.
2. Бессмертный Ю. Л., Хвостова К. В. М. М. Хвостов и его взгляды на историю западноевропейского крестьянства (по материалам неопубликованного курса лекций) // История и историки. Историографический ежегодник. 1977 / отв. ред. М. В. Нечкина. М. : Наука, 1980. С. 322–345.
3. Богомолов А. С. Идея развития в буржуазной философии XIX и XX веков. М. : Изд-во Московского ун-та, 1962. 376 с.
4. Большой энциклопедический словарь. М. : АСТ; Астрель, 2003. 1247 с.
5. Зиммель Г. Проблемы философии истории (Этюд по теории познания) / пер. под ред. В. Н. Линда. М. : Изд. магазина «Книжное дело», 1898. 165 с.
6. Кон И. С. Позитивизм в социологии. Исторический очерк. Ленинград : Изд-во Ленинградского ун-та, 1964. 207 с.
7. Милль Джон Стюарт Система логики / пер. с 5-го, дополненного лондонского изд. Ф. Резенера. Изд. 2-е. Т. 1. Санкт-Петербург; Москва : Изд. книгопродавца-типографа М. О. Вольфа, 1878. 522 с.
8. Милль Джон Стюарт Система логики / пер. с 5-го, дополненного лондонского изд. Ф. Резенера. Изд. 2-е. Т. 2. Санкт-Петербург; Москва : Изд. книгопродавца-типографа М. О. Вольфа, 1878. 507 с.
9. Новиков М. В., Перфилова Т. Б. Особенности научного мировоззрения М. М. Хвостова // Вестник Московского университета. 2020. № 4. С. 56–74.
10. Новиков М. В., Перфилова Т. Б. «Это был человек труда»: памяти М. М. Хвостова // Вопросы истории. 2020. № 10. С. 166–173.
11. Петрушевский Д. М. Введение. О логическом стиле исторической науки вообще и средневековой истории в частности // Д. М. Петрушевский Очерки из истории средневекового общества и государства / под общ. ред. М. А. Морозова, вступ. ст. Г. Е. Лебедевой, В. А. Якубского. Санкт-Петербург : ИЦ «Гуманитарная Академия», 2003. С. 35–70.
12. Поппер К. Нищета историцизма / пер. с англ. М. : Издательская группа «Прогресс» – VIA, 1993. 187 с.
13. Савельева И. М., Полетаев А. В. История и время. В поисках утраченного. М. : Языки русской культуры, 1997. 800 с.
14. Сафронов Б. Г. Историческое мировоззрение Р. Ю. Виппера и его время. М. : Изд-во Московского ун-та, 1976. 221 с.
15. Теория и методология исторической науки. Терминологический словарь / отв. ред. А. О. Чубарьян. М. : Аквилон, 2014. 576 с.
16. Уткина Н. Ф. Позитивизм, антропологический материализм и наука в России (вторая половина XIX века). М. : Наука, 1975. 317 с.
17. Хвостов М. М. Изучение экономического быта древности (Две полемики) // Журнал Министерства народного просвещения. Санкт-Петербург, 1900. Июнь. С. 281–303.
18. Хвостов М. М. История Греции : лекции, читанные в Казанском университете и на Казанских высших женских курсах / под ред. Г. Пригоровского. Изд. 2-е, доп. М. : Государственное изд-во, 1924. 262 с.
19. Хвостов М. М. История Древнего Востока / под ред. Г. Пригоровского. Изд. 2-е. Ленинград : Государственное изд-во, 1927. 275 с.
20. Хвостов М. М. К вопросу о задачах истории : сб. статей, посвященных Василию Осиповичу Ключевскому его учениками, друзьями и почитателями ко дню тридцатилетия его профессорской деятельности в Московском университете (5 декабря 1879 – 5 декабря 1909 года). М. : Тов-во «Печатня С. П. Яковлева», 1909. С. 791–824.
21. Хвостов М. М. Лекции по методологии и философии истории. Изд. 2-е. М. : Книжный дом «Либроком», 2011. 104 с. (Академия фундаментальных исследований: история).

Historical determinism in the theoretical constructions of M. M. Hvostov

M. V. Novikov¹, T. B. Perfilova²

¹Doctor of Historical Sciences, professor, Head of the Department of Theory and Methodology of Vocational Education, Yaroslavl State Pedagogical University n. a. K. D. Ushinsky. Russia, Yaroslavl. ORCID: 0000-0002-2013-1919. ResearcherID: AAD-2635-2019. E-mail: m.novikov@yspu.org

²Doctor of Historical Sciences, professor, leading researcher, Yaroslavl State Pedagogical University n. a. K. D. Ushinsky. Russia, Yaroslavl. ORCID: 0000-0002-2498-8688. E-mail: m.novikov@yspu.org

Abstract. The article deals with the problem of M. M. Hvostov's attitude to historical determinism, the core of which was the recognition of causality in the historical process. It is noted that in studying the category of "cause" and the ways of casual explanation of historical facts, Hvostov was guided by J. S. Mill's "System of Logic". Following Mill's "law of causation", Hvostov looked for repeating facts or coincidences of at least "some of their sides" in individualizing history. They expressed stable connections in social phenomena and processes, that is, they served as the equivalent of the concept of "law", which the scientist began to avoid. An analogue of historical regularity for Hvostov was the concept of "uniformity" in history. He represented "uniformity" both as a result of a single, unchanging mental nature of people over time, and as a consequence of the cyclical nature of historical processes. It was necessary to establish the inevitable objective relationship between the totality of previous facts (causes, conditions, forces) and the certain consequences caused by them. It is emphasized that Hvostov, as a supporter of explanatory history, was attracted by the study of not just a single premise – the cause of the event, but the multitude of all causes, or "factors of social evolution", with the predestination of the law under certain conditions leading to the expected results. Attention is drawn to the fact that most of the casual forces (factors) had an external and long-term character, comprehended by the satellite sciences of history, that is, it was predictable. Only personal and accidental "elements" gave the historical process a complex and confusing character. However, epistemological optimism allowed Hvostov to verify the personal factor with the help of a psychological device – empathy. The results of the analysis of a random "element" were determined by the competence of the historian: the ability to analyze the "crosses" of causal series, decompose events into their component parts, compare them with similar facts of world history. In Hvostov's interpretation, the case was not a violation of causality. Each event was predetermined in advance, which excluded "jumps" and "catastrophes", that is, truly epochal events.

Keywords: positivism, neo-Kantianism, historical determinism, causality in history, "uniformity" in history, reason (condition, force), occasion, chance, personal factor in history, empathy.

References

1. *Bernheim, Prof. Vvedenie v istoricheskuyu nauku* [Introduction to historical science] / transl. from German and ed. by S. E. Sabinin. M. Publishing house of M. N. Prokopovich. 1908. 185 p.
2. *Bessmertnyj Yu. L., Hvostova K. V. M. M. Hvostov i ego vzglyady na istoriyu zapadnoevropejskogo krest'yanstva (po materialam neopublikovannogo kursa lekcij)* [M. M. Hvostov and his views on the history of the Western European peasantry (based on the materials of an unpublished course of lectures)] // *toriya i istoriki. Istorigraficheskij ezhegodnik – History and historians. Historiographical yearbook. 1977* / ed. by M. V. Nechkin. M. Nauka (Science). 1980. Pp. 322–345.
3. *Bogomolov A. S. Ideya razvitiya v burzhuaznoj filosofii XIX i XX vekov* [The idea of development in bourgeois philosophy of the XIX and XX centuries]. M. Publishing House of Moscow University, 1962. 376 p.
4. *Bol'shoj enciklopedicheskij slovar'* – The Great Encyclopedic Dictionary. M. AST; Astrel. 2003. 1247 p.
5. *Simmel G. Problemy filosofii istorii (Etyud po teorii poznaniya)* [Problems of philosophy of history (An etude on the theory of knowledge)] / transl. ed. by V. N. Linda. M. Publishing house of the bookstore "Book business". 1898. 165 p.
6. *Kohn I. S. Pozitivizm v sociologii. Istoricheskij ocherk* [Positivism in sociology. Historical essay]. L. Publishing House of Leningrad University. 1964. 207 p.
7. *Mill John Stewart Sistema logiki* [System of Logic] / transl. from the 5th, supplemented London ed. by F. Rezener. Ed. 2nd. Vol. 1. SPb.; M. Publishing house of the bookseller-typographer M. O. Wolf. 1878. 522 p.
8. *Mill John Stewart Sistema logiki* [System of Logic] / transl. from the 5th, supplemented London ed. by F. Rezener. Ed. 2nd. Vol. 2. SPb.; M. Publishing house of the bookseller-typographer M. O. Wolf, 1878. 507 p.
9. *Novikov M. V., Perfilova T. B. Osobennosti nauchnogo mirovozzreniya M. M. Hvostova* [Features of M. M. Hvostov's scientific worldview] // *Vestnik Moskovskogo universiteta – Herald of Moscow University. 2020. No. 4. Pp. 56–74.*
10. *Novikov M. V., Perfilova T. B. "Eto byl chelovek truda": pamyati M. M. Hvostova* ["It was a man of labor": in memory of M. M. Hvostov] // *Voprosy istorii – Questions of history. 2020. No. 10. Pp. 166–173.*
11. *Petrushevskij D. M. Vvedenie. O logicheskom stile istoricheskoy nauki voobshche i srednevekovoj istorii v chastnosti* [Introduction. On the logical style of historical science in general and medieval history in particu-

lar] // *D. M. Petrushevskij Ocherki iz istorii srednevekovogo obshchestva i gosudarstva* [Essays from the history of medieval society and the state] / under the gen. ed. of M. A. Morozov, introduction by G. E. Lebedeva, V. A. Yakubsky. SPb. Publishing center "Humanitarian Academy". 2003. Pp. 35–70.

12. *Popper K. Nishcheta istoricizma* [Poverty of historicism] / transl. from English. M. Publishing group "Progress" – VIA. 1993. 187 p.

13. *Savel'eva I. M., Poletaev A. V. Istoriya i vremya. V poiskah utrachennogo* [History and time. In search of the lost]. M. Languages of Russian culture. 1997. 800 p.

14. *Safronov B. G. Istoricheskoe mirovozzrenie R. Yu. Vippera i ego vremya* [The historical worldview of R. Yu. Vipper and his time]. M. Publishing House of Moscow University. 1976. 221 p.

15. *Teoriya i metodologiya istoricheskoy nauki. Terminologicheskij slovar'* – Theory and methodology of historical science. Terminological dictionary / ed. A. O. Chubaryan. M. Aquilon. 2014. 576 p.

16. *Utkina N. F. Pozitivizm, antropologicheskij materializm i nauka v Rossii (vtoraya polovina XIX veka)* [Positivism, anthropological materialism and science in Russia (the second half of the XIX century)]. M. Nauka (Science). 1975. 317 p.

17. *Hvostov M. M. Izuchenie ekonomicheskogo byta drevnosti (Dve polemiki)* [The study of the economic life of antiquity (Two polemics)] // *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya* – Journal of the Ministry of Public Education. SPb. 1900. June. Pp. 281–303.

18. *Hvostov M. M. Istoriya Grecii : lekcii, chitannye v Kazanskom universitete i na Kazanskih vysshih zhen-skih kursah* [History of Greece : lectures given at Kazan University and at Kazan higher women's courses] / ed. by G. Prigorovsky. Ed. 2nd, add. M. State Publishing House. 1924. 262 p.

19. *Hvostov M. M. Istoriya Drevnego Vostoka* [History of the Ancient East] / ed. by G. Prigorovsky. Ed. 2nd. L. State Publishing House. 1927. 275 p.

20. *Hvostov M. M. K voprosu o zadachah istorii : sb. statej, posvyashchennyh Vasiliyu Osipovichu Klyuchevskomu ego uchenikami, druž'yami i pochitatel'yami ko dnyu tridcatiletiya ego professorskoj deyatel'nosti v Moskovskom universitete (5 dekabrya 1879 – 5 dekabrya 1909 goda)* [On the question of the tasks of history: collection of articles dedicated to Vasily Osipovich Klyuchevsky by his students, friends and admirers on the day of the thirtieth anniversary of his professorial activity at Moscow University (December 5, 1879 – December 5, 1909)]. M. Comrade "Printing House of S. P. Yakovlev". 1909. Pp. 791–824.

21. *Hvostov M. M. Lekcii po metodologii i filosofii istorii. Izd. 2-e* [Lectures on methodology and philosophy of history. Ed. 2nd]. M. Book House "Librocom". 2011. 104 p. (Academy of Fundamental Research: History).